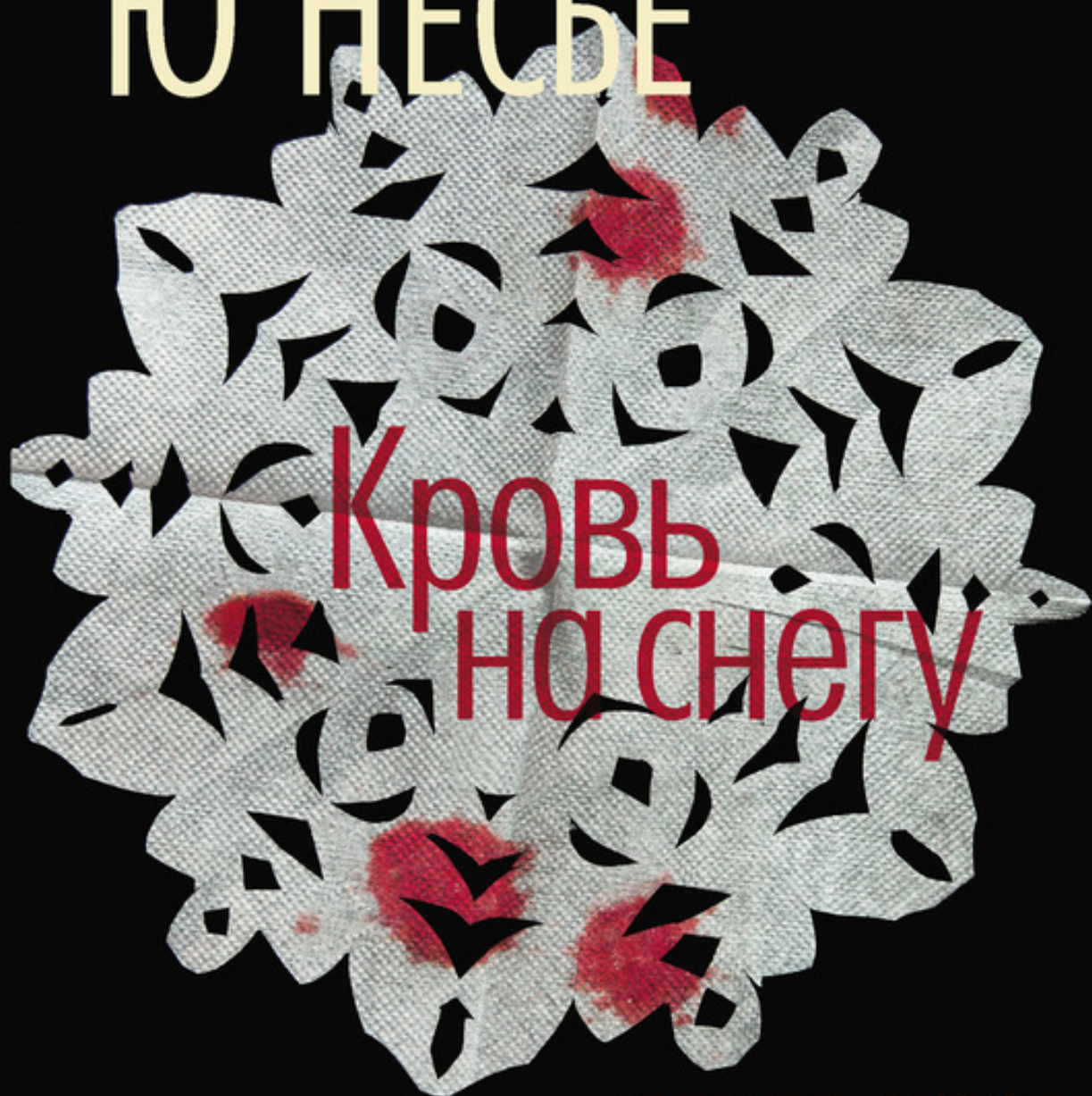

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1

Ю НЕСБЁ

КРОВЬ
НА СНЕГУ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Несбё действует в жестких рамках,
создавая острый, стремительный рассказ
о наемном убийце,
который «слишком легко влюбляется».

The Sun

18+

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Ю Несбё

Кровь на снегу

«Азбука-Аттикус»

2015

Несбё Ю.

Кровь на снегу / Ю. Несбё — «Азбука-Аттикус»,
2015 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-10202-6

Я – убийца. Убиваю людей по заказу. Можно сказать, ни на что другое я и не гожусь. Однако у меня есть одна проблема: я не могу причинить вред женщине. Наверное, это из-за мамы. И еще я слишком легко влюбляюсь. Как бы то ни было, очередной заказ ставит меня в безвыходное положение. Но я все-таки нахожу выход... Впервые на русском языке!

ISBN 978-5-389-10202-6

© Несбё Ю., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ю Несбё

Кровь на снегу

Jo Nesbø

BLOOD ON SNOW

Copyright © Jo Nesbø 2015

All rights reserved

Published by agreement with Salomonsson Agency

© Jo Nesbø, 2015

© Е. Лавринайтис, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2015

Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Снег танцевал в свете фонаря, подобно хлопковому пуху. Снежинки летели без определенного направления, не зная, куда им хочется – вверх или вниз, они просто отдавались во власть жуткого ледяного ветра, нахлынувшего из густой темноты над Осло-фьордом. Ветер и снег кружили и кружили во мраке у причала, между запертыми на ночь складами. Но вот ветру надоело, и он бросил своего партнера по танцу прямо возле стены, швырнул этот сухой, налетавшийся вволю снег под ноги мужчине, которому я только что выстрелил в грудь и шею.

Кровь капала с воротничка его рубашки на снег. Нельзя сказать, что я много знаю о снеге, да и о чем-либо другом, если уж об этом зашла речь, но я читал, что кристаллы снега, образовавшиеся в морозную погоду, совершенно не похожи на кристаллы наста, мокрого или крупнозернистого снега. Форма кристаллов и сухость снега способствуют тому, что гемоглобин крови сохраняет глубокий красный цвет. Во всяком случае, снег под мужчиной пробуждал во мне воспоминания о пурпурной королевской мантии с горностаем, изображенной на рисунках в книжке норвежских народных сказок, которую мама частенько читала мне. Ей нравились сказки и короли. Наверное, поэтому она назвала меня в честь одного из них.

Газета «Афтенпостен» писала, что если такая же морозная погода продержится до Нового года, то 1977-й станет самым холодным послевоенным годом и запомнится нам как начало нового ледникового периода, которого уже давно ожидают ученые. Но я ничего об этом не знал. Зато я знал, что стоящий передо мной человек скоро умрет: конвульсии, пробежавшие по его телу, не оставляли в этом сомнений. Он был одним из людей Рыбака. Ничего личного. Я так и сказал ему перед тем, как он сполз по кирпичной стене, оставляя на ней кровавый след. Сомневаюсь, что ему стало легче от того факта, что во всем этом не было ничего личного. Когда меня самого застрелят, мне бы хотелось, чтобы в этом было что-то личное. И я произнес такие слова не для того, чтобы призрак убитого не пришел за мной, – я не верю в призраки. Просто ничего другого мне в голову не пришло. Конечно, я мог бы промолчать, именно так я обычно и поступаю. Видимо, что-то заставило меня внезапно разговариваться. Может быть, мысль о том, что через несколько дней наступит Рождество. Как я слышал, мы, люди, в преддверии Рождества тянемся друг к другу. Но что я об этом знаю?

Я думал, что кровь застынет на поверхности снега и останется там, но снег всосал ее, затянул под поверхность, спрятал, как будто она была необходима ему самому. По дороге домой я представлял, как из сугроба поднимается снеговик, под мертвенно-бледной обледенелой кожей которого явственно проступают наполненные кровью вены. Я позвонил Даниэлю Хоффманну из телефонной будки и сообщил, что дело сделано.

Хоффманн сказал, что это хорошо. Как обычно, он ни о чем меня не спросил. Либо он научился доверять мне за те четыре года, что я убивал для него, либо он *не хотел* ничего знать. Дело сделано, и с чего бы такому человеку, как он, мучиться этим, раз он заплатил за то, чтобы меньше мучиться? Он попросил меня зайти в офис на следующий день и сказал, что у него есть для меня новая работа.

– Новая работа? – переспросил я, почувствовав, как сердце подпрыгнуло в груди.

– Да, – ответил Хоффманн. – Точнее, новый заказ.

– А, вот как.

Я с облегчением повесил трубку. Потому что вряд ли я сгожусь для чего-то другого, кроме того, чем уже занимаюсь.

Вот четыре работы, для которых я не гожусь.

Я не могу вести машину при отходе с места преступления. Я способен ехать быстро, это не проблема. Но я не могу вести машину неприметно, а ведущий машину при бегстве должен уметь и то и другое. Он должен уметь водить так, чтобы его автомобиль казался самым обыч-

ным в потоке машин. Я же вместе с двумя подельниками загремел в тюрьму, потому что не могу водить неприметно. Я мчался как демон, сворачивая с проселочных дорог на шоссе и обратно, и уже давно оторвался от преследователей: до шведской границы оставалось всего несколько километров. Я сбросил скорость и поехал медленно, соблюдая правила, как дедуля на воскресной прогулке. И несмотря на это, нас остановил полицейский патруль. Потом полицейские утверждали, будто даже не догадывались, что остановили машину с грабителями, и еще сказали, что я не превышал скорость и не нарушал правил. По их словам, подозрительным было то, *как* я вел машину. Не знаю уж почему, но у них возникли подозрения.

Я не гожусь и для ограблений. Я читал, что больше половины банковских служащих, переживших ограбление, потом страдают психическими расстройствами, причем некоторые из них – до конца жизни. Не знаю почему, но, когда мы вошли, старикан, сидевший в окошке в почтовом отделении, изо всех сил постарался заработать психические проблемы. Как мне показалось, он рухнул только оттого, что дуло моего ружья повернулось в его сторону. На следующий день я прочитал в газете, что у него начались психические проблемы. Скоропалительный диагноз, но, кто бы чего ни говорил, каких проблем человеку не хочется заработать, так это психических. И я пошел навестить его в больнице. Конечно, он меня не узнал, ведь в почтовом отделении на мне была маска рождественского гнома. (Мы великолепно замаскировались, ни один человек на улице не обратил внимания на трех мужчин с мешками в костюмах рождественских гномов, бегущих из почтового отделения в разгар предрождественской суеты.) Я стоял у дверей в палату и рассматривал старикана, лежавшего на кровати с коммунистической газетой «Классекампен» в руках. Нельзя сказать, что я имею что-то против коммунистов как личностей. Впрочем, если честно, то имею. Но *я не хочу* иметь что-то против них как личностей, я просто хочу сказать, что они ошибаются. Поэтому я почувствовал укол совести оттого, что мне заметно полегчало, когда я увидел в руках старика «Классекампен». Понятно, что укол совести и угрызения совести – вещи совершенно разные. И как я уже сказал, мне *заметно* полегчало. Но я перестал заниматься грабежами. Вполне возможно, что следующая жертва не будет коммунистом.

Еще я не гожусь для дел с наркотиками – это три. У меня просто не получается. Нельзя сказать, что я не способен вытрясти деньги из людей, задолжавших моим боссам. Торчки сами виноваты в своих бедах, а мое мнение теперь такое: люди должны платить за свои ошибки, вот так все просто. Проблема скорее заключается в том, что, как говорила моя мама, натура у меня слабая и чувствительная. Наверное, она узнавала во мне себя. В любом случае мне следует держаться как можно дальше от наркотиков. По словам мамы, я – человек, который только и ищет, кому бы подчиниться: религии, старшему брату, боссу. Или же алкоголю и наркотикам. К тому же я ведь и считать не умею, едва могу сосчитать до десяти, не потеряв концентрации. А это совсем глупо, если ты работаешь толкачом или потрошишь должников.

Ладно. Последнее. Проституция. Почти то же самое. Меня не беспокоит, когда женщины желают заработать немного денег подходящим для них способом, а парни, например я, получают одну треть их заработка и создают все условия для того, чтобы женщины могли сосредоточиться на своем ремесле. Хороший сутенер стоит каждой кроны, которую ему отстегивают, – я всегда так считал. Моя проблема в том, что я слишком быстро влюбляюсь и теряю из виду деловую составляющую. И я не могу трясти или бить женщину либо угрожать ей, все равно – любимой или нет. Наверное, это связано с моей мамой, не знаю. Наверное, поэтому я не могу смотреть, как другие быют женщин. Просто что-то переключается в голове.

Взять, к примеру, Марию. Она хромая и глухонемая. Не знаю, как одно связано с другим, скорее всего никак, но если уж тебе выпадает плохая карта, то и дальше продолжает не везти. Вот поэтому любовничком Марии стал придурочный торчок, эдакий тип с красивым французским именем, задолжавший Хоффманну за наркоту тринадцать тысяч. Я впервые увидел Марию, когда Пине, старший сутенер Хоффманна, показал мне девушку с собранными

в узел волосами, в сшитом вручную пальтишке. Она выглядела так, будто только что вышла из церкви. Она сидела на лестнице Манежа и плакала. Пине объяснил мне, что ей предстоит отработать долг любовника. Я подумал, что лучше всего позволить ей начать мягко, с ручной работы. Но она выскочила из первой же машины, в которую села, меньше чем через десять секунд. Она стояла и рыдала, а Пине орал на нее – наверное, думал, что если будет орать достаточно громко, то она его услышит. Может быть, все дело в этом. В крике. И в моей маме. Во всяком случае, в моей голове что-то переключилось, и, хотя я прекрасно понимал аргументы, которые Пине пытался вдолбить ей в башку, все закончилось тем, что я избил собственного босса. Потом я отвел Марию в квартиру, сдающуюся, как мне было известно, внаем, пошел к Хоффманну и сказал, что в сутенеры я тоже не гожусь.

Но Хоффманн ответил – и мне нечего было ему возразить, – что не может позволить человеку не возвращать долг, что это плохо повлияет на дисциплинированность других, более важных клиентов. И вот, зная, что Пине и Хоффманн ищут девушку, которая по глупости согласилась взять на себя долги любимого, я стал разыскивать этого француза и нашел его в одной коммуне в Фагерборге. Он был под кайфом и без денег, и я понял, что из его карманов мне не удастся выудить ни кроны, как бы сильно я его ни тряс. Я сказал ему, что если только он посмеет приблизиться к Марии, то я вгоню ему носовую перегородку прямо в мозг. Честно говоря, сомневаюсь, что у него еще оставались мозги и носовая перегородка. Я пошел к Хоффманну с сообщением, что любовничку наконец удалось собрать деньги, отдал ему тринадцать тысяч и выразил надежду, что теперь охота на девушку закончена.

Не знаю, употребляла ли Мария что-нибудь, пока жила вместе с тем типом, – возможно, она тоже была человеком, ищущим, кому бы подчиниться, – но сейчас она казалась совершенно нормальной. Она работала в гастрономе, куда я иногда заглядывал, чтобы проверить, все ли в порядке, не объявился ли ее приятель-торчок и не уволок ли ее снова на дно. Я, конечно, не показывался ей на глаза, просто стоял на темной улице и, глядя в окна ярко освещенного магазина, наблюдал, как она сидит за кассовым аппаратом, выбивает чеки и указывает на коллег, если ее кто-то о чем-то спрашивает. Нам всем, наверное, иногда хочется почувствовать, что мы оправдываем ожидания наших родителей. Не знаю уж, чего от меня ожидал мой папаша, сейчас речь о маме. Заботиться о других ей удавалось лучше, чем о себе, и мне это казалось примером для подражания. Кто его знает. В любом случае, мне было особо некуда тратить деньги, заработанные у Хоффманна, и что с того, если я сдал хорошую карту девчонке, которой до этого не везло?

Ладно. Обобщая, можно сказать так: я не умею осторожно водить, я мягкий, как масло, я слишком легко влюбляюсь, я теряю голову, когда злюсь, и я плохо считаю. Я почитываю то да се, но знаю очень немного, и знания мои трудно употребить в дело. И пишу я медленнее, чем растут сталактиты.

Так как же человек вроде Даниэля Хоффманна может использовать человека вроде меня?

Ответ, как вы, наверное, уже догадались, таков: в качестве убийцы.

Мне не приходится водить машину, убиваю я по большей части людей, заслуживающих смерти, да и о сложных вычислениях речи не идет. По крайней мере, до сих пор не шло.

Теперь у меня появились две задачи.

О первой задачке я не переставал размышлять ни на минуту: когда же у меня накопится столько материала на босса, что он начнет беспокоиться и подумывать, не пора ли убить убийцу? Совсем как в истории с черной вдовой. Нельзя сказать, что я хорошо разбираюсь в арахнологии, или как ее там, но самка позволяет оттрахать себя самцу, который по размеру намного ее меньше, так ведь? А когда он сделает свое дело и перестает быть ей нужным, она его сжирает. Во всяком случае, в книге «Царство животных 4: Насекомые и пауки» в Дейкманской библиотеке есть изображение черной вдовы с откушенными педипальпами самца, так сказать, с его членом, свисающим из ее вагины. В книге можно также увидеть кроваво-крас-

ную отметину в форме песочных часов у нее на брюхе. Песок бежит, так что ты, напыщенный, маленький, похотливый самец, следи за временем своего визита. Вернее, следи, когда закончится твое время. И убирайся оттуда к чертовой матери, в снег и дождь, с двумя пулями в боку или целым, – просто беги к тому единственному, что может тебя спасти.

Вот как я смотрел на это. Делай то, что должен, но не подходи слишком близко.

Поэтому мне очень не понравился новый заказ Хоффманна.

Он хотел, чтобы я убрал его жену.

Глава 2

– Я хочу, чтобы ты обставил все как ограбление, Улав.

– Зачем? – спросил я.

– Потому что все должно казаться не тем, чем является на самом деле, Улав. Полиция всегда негодует, когда гибнут гражданские. Она слишком яростно берется за расследование. А когда женщину, у которой есть любовник, находят мертвой, все указывает на ее мужа. И в девяноста процентах случаев – совершенно справедливо.

– В семидесяти четырех, сэр.

– Прости?

В наше время мы в Норвегии обычно не говорим людям «сэр», даже самым большим начальникам. Исключение, конечно, составляет королевская семья, к членам которой обращаются «ваше королевское величество». Даниэль Хоффманн, наверное, предпочел бы именно такое обращение. Титул «сэр» Даниэль Хоффманн привез с собой из Англии вместе с кожаной мебелью, книжными полками красного дерева и книгами в кожаных переплетах со старыми, пожелтевшими, обтрепанными страницами, наверняка произведениями английских классиков, откуда мне знать, я был знаком лишь с известными авторами: Диккенсом, Бронте и Остин. Как бы то ни было, мертвые писатели настолько иссушали воздух в его кабинете, что после визитов к нему я еще долго отхаркивал пыльную целлюлозу. Не знаю, что так завораживало Хоффманна в Англии, но мне было известно, что он учился там недолгое время и вернулся домой с чемоданчиком твидовых костюмов, с амбициями и напыщенным оксфордским английским, на котором говорил с норвежским акцентом. Однако он не привез с собой ни диплома, ни других знаний, кроме того, что деньги решают все. И что человек, который хочет преуспеть в бизнесе, должен работать в области, где конкуренция наиболее слаба. В то время в Осло такой областью был рынок проституции. Думаю, анализ рынка оказался нетрудным, и Даниэль Хоффманн понял, что на рынке, где заправляют шарлатаны, идиоты и любители, даже середнячок способен стать королем на горе. Вопрос лишь в том, чтобы этот середнячок обладал свободным отношением к морали, необходимым для ежедневного набора молодых женщин в проститутки. Поразмыслив немного, Даниэль Хоффманн пришел к выводу, что он обладает таким отношением. Когда спустя несколько лет он вторгся на рынок героина, он уже сам себя считал успешным человеком. А поскольку в то время рынком наркотиков в Осло заправляли люди, которые были не только шарлатанами, идиотами и любителями, но еще и торчками, а Хоффманн обладал свободным отношением к морали, позволявшим ему отправлять людей в наркотический ад, его снова ждал успех. Единственной проблемой Хоффманна в настоящее время являлся Рыбак. Рыбак был относительно новым конкурентом на рынке героина и, как оказалось, не был идиотом. Боги знают, что в Осло в то время хватало наркоманов для них обоих, и все же они изо всех сил пытались стереть друг друга с лица земли. Почему? Н-да. Думаю, ни один из них не обладал моим врожденным талантом к подчинению. И дело становится совсем щекотливым, когда люди, которые *должны* править, *должны* восседать на троне, обнаруживают, что их женщины им не верны. Мне кажется, Даниэлям Хоффманнам жилось бы лучше и проще, если бы они могли смотреть на все сквозь пальцы и прощать своим женам романчик-другой.

– Я собирался взять отпуск на Рождество, – сказал я. – Уехать на время кое с кем.

– Кое с кем? Не думал, что у тебя есть близкие друзья, Улав. Вот это мне в тебе и нравится, знаешь ли. Тебе некому поверять свои тайны.

Он рассмеялся и страхнул пепел с сигары. Я не обиделся, ведь он сказал то, что думал. На сигарном банте было написано: «Кохиба». Я где-то читал, что на рубеже веков сигары были

самым распространенным подарком в западном мире. Удивилась бы она такому подарку? Я даже не знал, курит ли она. По крайней мере, не видел, чтобы она курила на работе.

– Я еще не спрашивал, – ответил я. – Но...

– Я заплачу в пять раз больше твоего обычного гонорара, – пообещал Хоффманн. – И потом можешь уехать со своим кое-кем в вечный рождественский отпуск, если захочешь.

Я попробовал сосчитать. Но как уже говорилось, я для этого не гожусь.

– Вот адрес, – сказал Хоффманн.

Я проработал на него четыре года и до сих пор не знал, где он живет. А зачем мне это? Он ведь тоже не знал, где я живу. И с его новой женой я не был знаком, только слышал, как Пине без устали повторял, какая она горячая штучка и сколько денег он смог бы огрести, если бы у него на улице работала пара чувих вроде нее.

– Обычно днем она бывает дома одна, – сказал Хоффманн. – Во всяком случае, так она говорит мне. Делай свое дело как знаешь, Улав. Я полагаюсь на тебя. Чем меньше мне будет известно, тем лучше. Это понятно?

Я кивнул. И подумал: *тем меньше, чем лучше.*

– Улав?

– Да, сэр, я понял.

– Хорошо, – произнес он.

– Позвольте подумать над этим до завтра, сэр.

Хоффманн приподнял тщательно приглаженную бровь. Я не много знаю об эволюции и тому подобном, но вроде бы Дарвин считал, что существует всего шесть универсальных выражений лица, передающих человеческие чувства. Понятия не имею, есть ли у Хоффманна шесть человеческих чувств, но, как мне показалось, приподняв бровь, а не открыв рот, он хотел донести до меня легкое удивление, смешанное с задумчивостью и пониманием.

– Я только что сообщил тебе детали, Улав. И после этого ты хочешь *отойти в сторону*?

Угроза была едва слышна. Впрочем, если бы она была едва слышна, я бы ее не понял. Я совершенно лишен музыкального слуха и не понимаю ни подтекстов, ни намеков в речи людей. Так что давайте исходить из того, что угроза была очевидной. У Даниэля Хоффманна были ясные синие глаза, обрамленные черными ресницами. Если бы он был девушкой, я бы подумал, что он их подкрасил. Не знаю, почему я говорю об этом, ведь это не имеет никакого отношения к делу.

– Я не успел ответить до того, как вы сообщили мне детали, сэр, – ответил я. – Вы получите ответ сегодня вечером, хорошо, сэр?

Он посмотрел на меня и выдохнул сигарный дым в мою сторону. Я сидел, положив руки на колени и разглаживая поля шляпы, которой у меня не было.

– До шести, – произнес он. – В шесть я ухожу из конторы.

Я кивнул.

В четыре часа дня я шел домой по заснеженным городским улицам. После нескольких часов мутных рассветных сумерек город вновь накрыла тьма. Ветер дул по-прежнему, безликим свистом вырываясь из черных проулков. Но я уже говорил, что не верю в призраки. Снег поскрипывал под подошвами моих сапог, как корешки старых, высохших книг. Я размышлял. Обычно я пытаюсь этого не делать, ведь я вряд ли смогу стать лучше в этой области при помощи постоянной практики, и, кроме того, по опыту мне известно, что размышления ни к чему хорошему не приводят. Но я вернулся к первой из двух своих задачек. Само устранение должно было пройти нормально. Наверняка эта работа будет легче, чем другие, выполненные мной. И то, что эта женщина умрет, тоже нормально; как я уже говорил, я считаю, что люди – и мужчины, и женщины – должны отвечать за свои ошибки. Гораздо больше меня беспокоило то, что неминуемо должно будет произойти потом. Я стану человеком, который устранил

жену Даниэля Хоффманна. Стану тем, кто все знает и будет властен решать судьбу Даниэля Хоффманна, когда начнется полицейское расследование. Решать судьбу человека, не способного подчиняться. Стану тем, кому Хоффманн пообещал гонорар в пять раз больше обычного. Почему он предложил мне такие деньги за совсем простую работу?

Я почувствовал себя парнем, который сидит за покерным столом с четырьмя вооруженными до зубов, подозрительными на вид типами. А мне только что сдали четыре туза. Иногда хорошие новости настолько нереально хороши, что становятся плохими.

Ладно, как поступил бы самый умный игрок в покер? Он скинул бы карты, принял бы поражение, которое вполне можно пережить, и стал бы надеяться на лучшее, на более подходящую сдачу в следующем круге. Моя проблема заключалась в том, что карты скидывать было уже поздно. Я знал, что за убийством собственной жены будет стоять Хоффманн, независимо от того, я ее убью или кто-то другой.

Я понял, куда меня принесло. Я взгляделся в свет.

Ее волосы были собраны в узел, совсем как у моей мамы. Она улыбалась и кивала клиентам, заговаривавшим с ней. Большинство из них знали, что она глухонемая, они говорили ей «с Рождеством» и «до свидания», всякие дружеские слова, какими обычно обмениваются люди.

Гонорар в пять раз больше обычного. Вечный рождественский отпуск.

Глава 3

На следующий день я заселился в пансионат прямо напротив дома на Бюгдэй-аллее, где располагалась квартира Хоффманнов. Я собирался пару дней последить, чем занимается жена босса, ходит ли она куда-нибудь, пока он на работе, приходит ли кто-нибудь к ней. И не потому, что я хотел выяснить, кто ее любовник. Просто мне нужно было найти наиболее подходящий, наименее рискованный момент для нанесения удара, когда она будет дома одна и нам никто не помешает.

Моя комната оказалась превосходным наблюдательным пунктом, откуда я мог следить не только за тем, как уходит и возвращается Корина Хоффманн, но и за тем, чем она занимается в квартире. Хоффманны явно не позаботились о шторах. Вообще, редко кто вешает шторы в городе, где так мало солнца, что от него не стоит прятаться, и где люди стремятся поскорее добежать до своего теплого дома, вместо того чтобы стоять и пялиться в чужие окна.

В первые часы я никого в квартире не видел. Только ярко освещенную гостиную. Хоффманны не экономили электричество. Мебель была не английской, она больше походила на французскую, особенно странный диван посреди комнаты, со спинкой лишь с одной короткой стороны. Наверное, это то, что французы называют шезлонгом, а это, если учитель французского меня не обманул, переводится как «длинный стул». Вычурная асимметричная резьба, обивка с растительным орнаментом. Рококо, если верить книге по истории искусств, принадлежавшей моей маме. Но с тем же успехом его мог изготовить местный плотник и расписать розами, как это делают в норвежских деревнях. Одно было очевидно: эту мебель выбирал не молодой человек, поэтому я подумал, что ее купила бывшая жена Хоффманна. Пине сказал, что Хоффманн прогнал ее, как только ей исполнилось пятьдесят. *Потому что* ей исполнилось пятьдесят. И потому что мальчишка уже съехал от них и ей нечего было делать в доме. Именно это, по утверждению Пине, Хоффманн высказал ей прямо в лицо, и она все приняла: его слова, квартиру на морской набережной и чек на полтора миллиона.

Чтобы чем-нибудь занять время, я достал листочки со своими записями. Просто с каракулями. Нет, неправда, мои записи больше похожи на письма. Письма неизвестному адресату. Или же нет, известному. Но я не мастак писать, и там было полно ошибок и много такого, что надо вычеркнуть. Если честно, на каждое оставленное в тексте слово было потрачено море бумаги и чернил. В тот день слова тоже шли настолько туго, что я отложил листочки в сторону, покурил и задремал.

Как я уже говорил, я никогда не встречался ни с кем из семьи Хоффманна, но сейчас, сидя здесь и разглядывая квартиру на другой стороне улицы, я представлял себе его родственников. Мне нравится заглядывать к другим, всегда нравилось. И я сделал то, что делал всегда: вообразил, как течет семейная жизнь в их квартире. Сын девяти лет возвращается домой из школы и устраивается в гостиной читать принесенные из библиотеки книги. Мать, тихо напевая, занимается приготовлением обеда на кухне. Мать и сын на секунду замирают, услышав, как открывается входная дверь. Затем с облегчением вздыхают, когда вошедший мужчина весело кричит: «Я дома!» – и бросаются в коридор, чтобы обнять его.

Именно такие приятные мысли одолевали меня, когда Корина Хоффманн вышла в гостиную из спальни, и все изменилось.

Свет.

Температура.

Задача.

Тем вечером я не пошел в гастроном.

Я не стал дожидаться по своему обыкновению, когда Мария закроет магазин, и не пошел следом за ней на безопасном расстоянии до станции метро, и не встал прямо у нее за спиной в середине вагона, где она любила стоять, даже если были свободные места. Тем вечером я не стоял рядом с ней, как безумец, и не шептал ей слова, которые мог слышать только я сам.

Тем вечером я сидел в темной комнате и как замороженный пялился на женщину на другой стороне улицы. На Корину Хоффманн. Я мог говорить, что пожелаю, и так громко, как пожелаю, ведь никто меня не слышал. И мне не нужно было смотреть на нее сзади, смотреть на ее волосы так пристально, что я умудрялся увидеть в них красоту, которой на самом деле не было.

Канатоходец – вот первое, что пришло мне в голову, когда Корина Хоффманн вошла в гостиную. На ней был махровый халат, и двигалась она как кошка. При этом я не хочу сказать, что она шла иноходью, как некоторые млекопитающие, например коты или верблюды. Они переставляют две конечности с одной стороны, а потом две конечности с другой. Так я слышал. Я хочу сказать, что кошки, если я не ошибаюсь, ходят на носочках и ставят задние лапы точно на следы передних. Именно так ходила Корина Хоффманн: вытягивала подъем и ставила свои обнаженные ноги близко друг к другу. Как канатоходец.

Все в Корине Хоффманн было прекрасным. Лицо с высокими скулами, губы как у Брижит Бардо, светлые нерасчесанные гладкие волосы. Длинные тонкие руки, высовывающиеся из широких рукавов халата, верхняя часть груди, таких мягких, что они колыхались, когда она двигалась или дышала. И белая-пребелая кожа рук, лица, груди, ног, – господи, она была похожа на снежную равнину под ярким солнцем, способную на несколько часов ослепить мужчину. Короче говоря, мне все понравилось в Корине Хоффманн. Все, кроме фамилии.

Казалось, ей было скучно. Она попила кофе. Поговорила по телефону, почитала журнал, но не прикоснулась к газетам. Скрылась в ванной и вернулась обратно, по-прежнему в халате. Поставила грампластинку и немного потанцевала. Вроде бы свинг. Потом она слегка перекусила и посмотрела на часы: скоро шесть. Она переделась в платье, привела в порядок волосы и поставила другую пластинку. Я открыл окно и попытался понять, какая музыка у нее играет, но из-за шума уличного движения ничего не услышал. Тогда я снова взял бинокль и попробовал сфокусировать его на конверте пластинки, лежащем на столике в гостиной. Кажется, на нем был портрет композитора. Антонио Лючио Вивальди? Кто знает. Но женщина, к которой Даниэль Хоффманн вернулся домой в четверть седьмого, была совершенно не той женщиной, с которой я провел целый день.

Они ходили кругами, не прикасаясь друг к другу, не разговаривая, как два электрона, отталкивающиеся друг от друга, потому что оба заряжены негативно. Однако в конце концов они скрылись за дверьми общей спальни.

Я улегся, но заснуть не смог.

Что заставляет нас понять, что мы смертны? Что происходит в тот день, когда мы узнаем, что наша жизнь закончится и это не возможность, а гребаный факт? Наверняка у всех бывает по-разному, но я все понял, когда увидел, как умирает мой отец – банально и физиологично, как муха на подоконнике. Поэтому интереснее другое: что заставляет нас уже после того, как к нам придет это понимание, вновь испытывать сомнения? Умнеем ли мы? Как писал один философ, Давид Как-его-там, если нечто происходит снова и снова, это не означает, что это нечто произойдет еще один раз. Без логических доказательств мы *не можем* быть уверены, что история повторится. Или же мы просто становимся старше и все больше боимся приближения смерти? Или здесь что-то совершенно другое? Как бывает в тот день, когда мы внезапно видим что-то, о существовании чего вообще не подозревали, или чувствуем нечто, что, как нам казалось, мы не способны чувствовать. Слышим гулкий звук, постучав по стене, и понимаем, что за этой комнатой может быть другая. И у нас появляется надежда, горькая и раздражающая надежда, грызущая изнутри и не оставляющая в покое. Надежда на то, что смерть можно обма-

нуть и сбежать по темным переулкам в место, о существовании которого ты и не догадывался. Такая вот штука. Такая вот история.

На следующее утро я встал одновременно с Даниэлем Хоффманном. Когда он отъехал от дома, было еще темным-темно. Он не знал, что я здесь. *He хотел* знать, как он сам сказал.

Так что я выключил свет и уселся на стул у окна в ожидании Корины. Я достал свои листочки и стал просматривать черновик письма. Сегодня слова были более непонятными, чем обычно, а те немногие, что я хорошо понимал, внезапно стали казаться неправильными и мертвыми. Почему я просто не выкинул все это дерьмо? Только ли потому, что я угробил уйму времени на составление этих несчастных предложений? Отложив листы бумаги в сторону, я наблюдал за небогатой на события уличной жизнью зимнего Осло до тех пор, пока наконец не появилась Корина.

День протекал практически так же, как и предыдущий. Она вышла на улицу, и я последовал за ней. С Марией я научился, как лучше всего незаметно идти за человеком. Корина купила шарфик в каком-то магазине, выпила чашку чая в кондитерской с женщиной, которая, судя по языку их тел, была ее подругой, а потом отправилась домой.

Было всего два часа, и я сварил себе кофе. Я смотрел, как Корина лежит на диване посреди комнаты. Она надела платье, другое платье. Ткань обволакивала ее тело, когда она двигалась. Этот диван – удивительный предмет мебели, ни то ни се. Когда она поворачивалась, чтобы улечься поудобнее, то делала это медленно, уверенно, осознанно. Как будто знала, что желанна. Она взглянула на часы и полистала журнал, тот же самый, что и вчера. А потом она слегка напряглась, почти незаметно.

Я не слышал звонка в дверь.

Она поднялась и пошла своей легкой, мягкой кошачьей походкой открывать дверь.

Он был темноволосым и худощавым, на вид – ее ровесником.

Он вошел в квартиру, закрыл за собой дверь, повесил куртку на вешалку, скинул ботинки движением, свидетельствующим о том, что он здесь не в первый раз. И не во второй. Никаких сомнений. В этом не могло быть никаких сомнений. Так почему же я сомневался? Потому что хотел?

Он ударил ее. Сначала я совершенно растерялся и подумал, что у меня обман зрения. Но он ударил ее еще раз. Сильно ударил по лицу ладонью. Голова Корины склонилась набок, и его рука вплелась в ее светлые волосы. Я видел по ее лицу, что она кричит.

Одной рукой он держал ее за горло, а другой срывал с нее платье.

Там, прямо под люстрой, ее обнаженное тело казалось таким белым, что оно сливалось в одну поверхность, у него не было форм, только непрозрачная белизна, как у снежной поверхности в тусклом свете облачного или туманного дня.

Он взял ее на том диване. Он стоял, спустив брюки до щиколоток, у стороны без спинки, а она лежала на светлой вышивке, представляющей девственно чистые, идеализированные представления европейцев о лесе. Он был тощим. Я видел, как двигаются мышцы между его ребер. Мускулы задницы напрягались и расслаблялись, как насос. Его трясло и колотило, как будто он злился, что не может сделать... больше. Она лежала, раскинув ноги, пассивно, как труп. Я хотел отвести взгляд, но не смог. Их вид пробуждал во мне воспоминания. Но я не мог понять какие.

Возможно, я вспомнил все той ночью, после наступления тишины. Как бы то ни было, мне приснилась фотография из книжки, которую я видел, когда был мальчишкой. «Царство животных 1: Млекопитающие» из Дейкманской библиотеки. На фотографии была изображена саванна Серенгети в Танзании, вроде бы так. Три злобные, тощие, возбужденные гиены, которые то ли принесли собственную добычу, то ли отогнали от дичи львов. Две гиены с напряженными задницами засунули морду во вспоротое брюхо зебры. Третья повернулась к фотоаппа-

рату. Голова ее была перемазана кровью, она скалилась, показывая острый ряд зубов. Но лучше всего я помню взгляд. Взгляд желтых глаз, направленных в объектив и глядящих с книжной страницы. Предупреждение. «Это не твое, это наше. Уходи отсюда. Или тебя мы тоже убьем».

Глава 4

Стоя позади тебя в метро, я всегда дожидаюсь, когда наш вагон доедет до стыка рельсов, и лишь тогда начинаю говорить. Или, может быть, в этом месте рельсы расходятся. Так или иначе, это место расположено глубоко под землей, где металл звенит и гремит от соприкосновения с металлом, и этот звук что-то мне напоминает, что-то связанное с порядком, с расстановкой вещей по своим местам, с судьбой. Поезд резко толкает, и люди, которые не каждый день ездят по этой ветке, на какой-то миг теряют равновесие и начинают хвататься за все подряд, пытаясь удержаться в вертикальном положении. Проезд по стыку рельсов производит такой шум, что я могу говорить все, что захочу. Шептать, что хочу. Именно в том месте, где никто другой не сможет меня услышать. Ты, во всяком случае, услышать меня не можешь. Только я сам могу себя услышать.

Что я говорю?

Не знаю. Что в голову придет. Слова, взявшиеся неизвестно откуда, слова, которые я и не собирался говорить. А может, и собирался, в то время и в том месте. Потому что ты красивая, ты тоже красивая, особенно когда я стою в толпе прямо у тебя за спиной и вижу лишь узел твоих волос, а все остальное должен себе вообразить.

Но я не могу вообразить ничего, кроме того, что у тебя темные волосы, потому что они и на самом деле темные. Ты не светловолосая, как Корина. У тебя не такие пухлые губы, чтобы их хотелось укусить. В изгибе твоей спины и округлости груди нет музыки. Ты была моей до сих пор только потому, что никого другого у меня не было. Ты заполняла пустоту, о наличии которой я даже не догадывался.

В тот день, сразу после того, как я выручил тебя из беды, ты пригласила меня домой на ужин. Я полагаю, ты сделала это в качестве благодарности. Ты написала приглашение на бумажке и протянула ее мне. Я согласился, хотел написать тебе ответ, но ты улыбкой ответила, что все поняла.

Я так и не явился.

Почему?

Если бы я знал ответ на подобные вопросы...

Я – это я, а ты – это ты? Может быть, так.

Или же все еще проще? Ты хромая и глухонемая. У меня и самого в каком-то смысле несчастий хватает, ведь, как я уже упоминал, я не гожусь ни для чего, кроме одного дела. И что бы, черт возьми, мы сказали друг другу? Ты бы, конечно, предложила писать друг другу сообщения, а я, как уже говорилось, писать не мастак. А если я этого еще не говорил, то говорю сейчас.

И возможно, ты понимаешь, Мария, что мужчине сложно будет завестись, когда ты резко и пронзительно, как это делают глухонемые, рассмеешься над тем, что в своей записке «какие у тебя красивые глаза» я сделал четыре ошибки.

Ну да ладно. Я не пришел. Вот как обстояло дело.

Даниэль Хоффманн хотел знать, почему я тяну с выполнением задания.

Я спросил, согласен ли он, что до того, как я начну, мне следует позаботиться, чтобы ни один след не смог привести ни к кому из нас. Он был согласен.

И я продолжил слежку за его квартирой.

В последующие дни юноша приходил к ней каждый день в одно и то же время, в три часа дня, сразу после наступления темноты. Входил, раздевался, бил. Всякий раз одно и то же. Сначала она прикрывалась руками. По напряжению мышц ее рта и шеи я понимал, что она кричит, просит его прекратить. Но он не прекращал. Не прекращал до тех пор, пока по щекам

ее не начинали литься слезы. Тогда, и только тогда, он начинал срывать с нее платье. Каждый раз новое платье. А потом он брал ее на диване. Было понятно, что он имеет над ней власть. Я мог бы сказать, что она по уши в него влюблена. Как Мария в своего торчка. Некоторые женщины сами не знают, что для них лучше, они просто изливают свою любовь, не требуя ничего взамен. Да, как будто именно отсутствие взаимности разжигает их еще больше. Наверное, они, бедняжки, продолжают надеяться, что в один прекрасный день будут вознаграждены за все. Полная надежды безнадежная любовь. Кто-то должен им рано или поздно объяснить, что мир устроен совсем не так.

Но я не думаю, что Корина была влюблена. Она не казалась такой уж увлеченной. Да, она гладила его после секса, провожала его до дверей, когда через три четверти часа он уходил, немного неестественно прижималась к нему, наверняка шептала ласковые слова. Но создавалось впечатление, что, как только он оказывался за дверью, она испытывала облегчение. А мне кажется, я знаю, как выглядит влюбленность. Так зачем же ей, молодой жене самого серьезного продавца экстаза в этом городе, рисковать всем ради дешевого романа с мужчиной, который ее бьет?

Я все понял на четвертый вечер. И первое, что я подумал: как странно, что я так долго не мог догадаться. У любовника было что-то на нее. Если бы она не делала все так, как он хочет, он отнес бы эти материалы Даниэлю Хоффманну.

Проснувшись на пятое утро, я принял решение. Я попробую сбежать по темным переулкам в место, о существовании которого и не догадывался.

Глава 5

Падал легкий снег.

Юноша пришел к ней в три часа и что-то принес. Маленькую коробочку. Я не видел, что в ней было, видел только, что Корина на мгновение обрадовалась. Ее радость рассеяла ночную мглу за большим окном гостиной. Она казалась удивленной. Я и сам удивился и пообещал себе, что улыбка, которую она подарила ему, она подарит и мне. Просто мне все надо сделать правильно.

Когда он уходил сразу после четырех, пробыв у нее чуть дольше, чем обычно, я уже стоял во всеоружии в тени на другой стороне улицы.

Я увидел, как он исчезает в темноте, и поднял глаза. Она стояла у окна гостиной, как на сцене, подняв вверх руку и рассматривая что-то невидимое мне. А потом она внезапно повернула голову и посмотрела в тень, где стоял я. Я знал, что она не может меня видеть, и все же... Пронзительный, ищущий взгляд. Внезапный испуг, отчаяние, почти мольба на ее лице. «Знание того, что судьбу невозможно обуздать», как написано в книге, черт ее знает в какой. Я сжал пистолет в кармане пальто.

Я подождал, когда она повернется спиной к окну, и вышел из тени. Быстрыми шагами пересек улицу. На тротуаре, на тонком слое свежеевыпавшего снега, виднелись следы его ботинок. Я поспешил за ним.

Завернув за угол, я увидел его спину.

Конечно, я обдумал ряд вероятностей.

Возможно, у него где-то припаркована машина. В таком случае она должна стоять на одной из улочек района Фрогнер. Улочки эти пустынные и плохо освещены. Идеальны. Возможно, он куда-нибудь зайдет, в бар или в ресторан. В этом случае я могу подождать. У меня было полно времени. Мне *нравилось* ждать. Мне нравилось время с момента принятия решения до претворения его в жизнь. Это были единственные минуты, часы, дни в моей наверняка короткой жизни, когда я *действительно* что-то значил. Я был чьей-то судьбой.

Он мог также поехать на автобусе или на такси.

Преимущество этого варианта заключалось в том, что тогда мы оказались бы еще дальше от Корины.

Он вошел в метро у Национального театра.

Народу было много, и я подобрался к нему поближе.

Он направился к поезду, следующему в западном направлении. Мальчик из западного Осло. В той части города я бывал не особенно часто. Там слишком много денег и совсем некуда их девать, как говорил мой отец. Понятия не имею, что он хотел этим сказать.

Это была не та ветка, по которой ездит Мария, но первая часть пути проходила по тем же рельсам.

Я сидел прямо позади него. Мы находились в туннеле, но разницы между тьмой туннеля и тьмой ночи не было никакой. Я знал, что мы скоро будем на месте. Железо заскрипит, и поезд немного дернется.

Я подумывал, не приставить ли дуло пистолета к спинке его сиденья и не выстрелить ли, пока мы будем проезжать стык.

И когда мы его проезжали, я в первый раз понял, что мне напоминает этот звук. Металлом по металлу. Ощущение порядка, все по своим местам. Судьба. Это был звук моей работы, подвижных металлических деталей оружия, затвора и поршня, передернутого затвора и отдачи.

Мы были единственными, кто вышел на станции «Виндерен». Я шел за ним. Снег скрипел у нас под ногами. Я старался шагать в такт ему, чтобы он меня не услышал. По обеим сто-

ронам дороги стояли виллы, и все же мы были настолько одиноки, что можно было подумать, будто мы идем по Луне.

Я подошел к нему почти вплотную, и в тот момент, когда он сделал полуоборот, вероятно, чтобы взглянуть, не приближается ли к нему знакомый или сосед, я тихо выстрелил ему в самый низ спины. Он повалился на изгородь из штакетника, и я перевернул его ногой. Он уставился на меня стеклянными глазами, и на мгновение я подумал, что он уже умер. А потом он пошевелил губами.

Я мог бы прострелить ему сердце, шею или голову. Так почему же сначала я выстрелил в самый низ спины? Чтобы спросить о чем-нибудь? Возможно, но теперь я этого не помнил. Или вопрос показался мне незначительным. Вблизи этот мужчина не слишком отличался от того, что я видел в окно. Гиена. Я выстрелил ему в лицо. Гиена с окровавленной пастью.

Из-за изгороди высунулась голова мальчишки. Его шерстяные варежки и шапочка были облеплены снегом. Может быть, он пытался слепить снеговика, а это не так-то просто сделать из сухого снега. Все разваливается, снег ускользает сквозь пальцы.

– Он умер? – спросил мальчишка, глядя на труп.

Наверное, немного странно называть человека трупом спустя несколько секунд после смерти, но я всегда думал о них как о трупах.

– Это был твой отец? – спросил я.

Мальчишка отрицательно покачал головой.

Я не знаю, почему мне так показалось, почему я вообразил, что раз мальчишка кажется таким спокойным, значит лежащий перед нами труп должен быть его отцом. Нет, знаю. Я сам отреагировал именно так.

– Он живет вон там, – сказал мальчишка, указывая направление рукой в варежке.

Он начал облизывать снег со второй варежки, не отводя взгляда от трупа.

– Я не вернусь за тобой, – произнес я. – Но забудь, как я выгляжу. Хорошо?

– Ладно.

Он попытался всосать в себя кусочек снега, и щеки его втянулись, как у ребенка, сосущего соску.

Я развернулся и пошел обратно той же дорогой. Вытерев рукоятку пистолета, я выбросил его в сточную канаву, тепло которой растопило покрывавший ее тонкий слой снега. Пистолет найдут, но это сделает полиция, а не парочка неосторожных подростков. После убийства я не пользовался ни метро, ни автобусом, ни такси: это строжайше запрещено. Я шел пешком, нормальным быстрым шагом, а если навстречу мне двигались полицейские машины, я разворачивался и шел по направлению к месту преступления. Я слышал сирены, лишь дойдя до района Майорстуа.

Глава 6

Прошла примерно неделя. Как обычно, я ждал после закрытия магазина за мусорными контейнерами на парковке позади гастронома. Я услышал, как дверь открылась с мягким щелчком и сразу же захлопнулась. Марию легко узнать по походке из-за хромоты. Я немного подождал и пошел за ней. С моей точки зрения, я за ней *не* слежу. Естественно, она решает, куда мы направимся, и в тот день мы не сразу пошли в метро. Мы зашли в цветочный магазин, а потом на кладбище у церкви Акер. Там больше никого не было, и, чтобы не быть замеченным, я ждал Марию снаружи. Когда она вышла, желтых цветов в руках у нее уже не было. Она направилась по улице Киркевейен к метро, а я зашел на кладбище. Я обнаружил цветы на свежей, но уже замерзшей могиле. Красивый могильный камень блестел. Знакомое французское имя. Это он, ее торчок. Я не знал, что он умер, да и наверняка немногие знали. Во всяком случае, даты смерти на камне высечено не было, только месяц. Октябрь. Наверное, если дата точно не известна, то пишут любую, чтобы покойный не казался таким несчастным беднягой, лежащим в тесноте на заснеженном кладбище.

По дороге домой я подумал, что теперь могу перестать провожать ее. Она в безопасности. Я надеялся, она знает, что находится в безопасности. Я надеялся, что он, ее торчок, стоял позади нее в поезде и шептал: «Я не вернусь за тобой. Но забудь, как я выгляжу». Да, я очень надеялся. Мне больше не надо провожать ее. Ее жизнь начинается с этого момента.

Перед телефоном-автоматом на улице Богстадвейен я сделал глубокий вдох.

Моя жизнь тоже начнется сейчас, с этого разговора. Я должен получить помилование от Даниэля Хоффманна. Это начало. Все остальное я представлял менее ясно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.